

И вот в тебе нет уже жизни помимо той, какой одаряет тебя тихое покачивание корабля, который сам получил ее от моря, а море — от загадочных божьих приливов и отливов. Но попробуй только, объятый этим сном, этой грезой, чуть сдвинуть руку или ногу, попробуй разжать пальцы, и ты тут же в ужасе вновь ощутишь самого себя. Ты паришь над Декартовыми вихрями*. И может статься, в полдень, в ясный, погожий полдень, когда так прозрачен воздух, ты с коротким, сдавленным криком сорвешься и полетишь головой вниз в тропическое море, чтобы навсегда скрыться в его ласковых волнах. Помните об этом, о пантеисты!

ГЛАВА XXXVI

На шканцах

(Входит Ахав; потом остальные)

Однажды утром, вскоре после происшествия с трубкой, Ахав, как обычно, поднялся на шканцы сразу после завтрака. Здесь обыкновенно прогуливаются в это время капитаны, подобно тому как на суше иные господа прохаживаются после завтрака по саду.

И вот его тяжелые костяные шаги зазвучали на палубе, которая, словно геологические пласты, вся уже была усеяна круглыми углублениями — следами, оставленными

* Французский философ и ученый Рене Декарт (1596—1650) представлял себе механическое движение материи в виде вихрей.

этой необычайной поступью. Если же вы решились бы разглядеть попристальнее его ребристый, корявый лоб, то и там увидели бы вы необычайные следы — следы бессонной, неустанной, одинокой мысли.

Но в это утро рытвины у него на лбу казались еще глубже, чем обычно, и глубже отпечатывались на палубе следы его беспокойных шагов. И так полон был Ахав своей мыслью, что при каждом его привычном повороте — возле грот-мачты и у нактоуза, — казалось, видно было, как эта мысль поворачивается вместе с ним и вместе с ним опять принимается шагать; она настолько владела им, что была словно внутренним прообразом всякого его внешнего движения.

— Взгляни-ка, Фласк, — шепотом сказал Стабб, — цыпленок начинает наклевываться. Скоро вылупится.

Прошло несколько часов. Ахав по-прежнему то сидел, запершись в каюте, то расхаживал по палубе все с той же неистойвой, иступленной решимостью во взоре.

Приближался вечер. И вдруг он застыл у борта, упершись костяной ногой в пробитое там углубление, а рукой ухватившись за ванты, и приказал Старбеку звать всех на шканцы.

— Сэр, — только и проговорил в недоумении старший помощник, услышав приказ, который на борту корабля дается лишь в самых исключительных случаях.

— Все на шканцы, — повторил Ахав. — Эй, мачтовые! Спускайтесь вниз!

Когда вся команда собралась и люди с опаской и любопытством стали разглядывать Ахаву, грозного, точно штормовой горизонт, он, бросив быстрый взгляд за борт, а потом устремив его в сторону собравшихся, шагнул

вперед и, словно перед ним не было ни живой души, возобновил свою тяжеловесную прогулку по палубе. Опустив голову и надвинув на лоб шляпу, он все шагал и шагал, не слыша удивленного шепота команды, так что под конец Стабб не выдержал и шепнул Фласку, что Ахав собрал их здесь, верно, затем, чтобы сделать свидетелями нового рекорда по ходьбе. Но это продолжалось недолго. Вот он остановился и со страстной значительностью в голосе крикнул:

— Люди! Что делаете вы, когда увидите кита?

— Подаем голос! — согласно откликнулись два десятка хриплых глоток.

— Хорошо! — крикнул Ахав с дикой радостью, заметив общее одушевление, какое вызвал, словно по волшебству, его внезапный вопрос.

— А что потом?

— Спускаем вельботы и идем в погоню!

— Под какую же песню вы гребете?

— «Убитый кит или разбитый вельбот!»

И с каждым возгласом все удивительнее, все неистовее становились радость и одобрение в чертах его лица; а моряки, недоумевая, поглядывали друг на друга, словно сами удивлялись, как эти столь бессмысленные, казалось бы, вопросы могли привести их в такое волнение.

И все-таки они снова, как один, подались в нетерпении вперед, когда Ахав, полуобернувшись у своего поворотного углубления, перехватив рукой повыше и что было силы судорожно уцепившись за ванты, заговорил так:

— Мачтовые дозорные и раньше слышали мои приказания относительно белого кита. Теперь смотрите все!

Видите вы эту испанскую унцию золота? — И он поднял к солнцу большую сверкающую монету. — Ей цена шестнадцать долларов. Все видят ее? Мистер Старбек, передайте мне большой молоток.

Пока старший помощник ходил за молотком, Ахав стоял молча и не спеша тер золотую монету полой своего сюртука, словно для того, чтобы она еще ярче заблестела, и все время что-то без слов напевал себе под нос, издавая такие глухие, невнятные звуки, что казалось, это гудят в нем вертящиеся колеса жизни.

Получив от Старбека молоток, он приблизился к гротматче и, подняв его кверху в одной руке, а другой протягивая перед собой монету, громким, пронзительным голосом воскликнул:

— Тот из вас, кто первый увидит белоголового кита со сморщенным лбом и свернутой челюстью; тот из вас, кто первым даст мне знать о белоголовом ките с тремя пробоинами у хвоста по правому борту; тот из вас, говорю я, кто первый увидит белого кита, тот получит эту унцию золота, дети мои!

— Ур-ра! Ур-ра! — кричали матросы, приветственно размахивая зюйдвестками, покуда Ахав прибывал монету к мачте.

— Белый Кит, говорю я, — повторил капитан, роняя на палубу молоток. — Белый Кит. Смотрите во все глаза, матросы. Высматривайте белую воду. Чуть только заметите хотя бы один пузырек, подавайте голос.

Все это время Тэштиго, Дэггу и Квикег слушали его с большим вниманием и интересом, чем остальные, а теперь, при словах о сморщенном лбе и свернутой челюсти, каждый из них вздрогнул, будто пронзенный каким-то своим, отдельным воспоминанием.

— Капитан Ахав, — заговорил Тэштиго, — этот Белый Кит не тот ли самый, которого называют некоторые Моби Дик?

— Моби Дик? — вскричал Ахав. — Так ты, значит, знаешь этого кита, Тэш?

— Он взмахивает на особый манер хвостом, сэр, перед тем как уйти под воду? — спросил индеец.

— И фонтан у него особенный, верно, капитан Ахав? — подхватил Дэггу. — Кустистый даже для кашалота и очень сильный.

— И в шкура у него один, два, три — о, много-много гарпун, а, капитан? — несвязно прокричал Квикег. — И все такая крути-верти... похожий на... на... — и, не находя слова, он стал вращать рукой, словно раскупоривая бутылку, — похожий на... на...

— На штопор! — воскликнул Ахав. — Верно, Квикег, у него в теле много гарпунов, и все перекрученные и погнутые; верно, Дэггу, фонтан у него большой, словно целая копна пшеницы, и белый, как гора овечьей шерсти у нас в Нантакете в пору ежегодной стрижки; верно, Тэштиго, ныряя, он высоко вскидывает хвост, точно это лопнувший кливер треплется в шквал. Смерть и дьяволы! Это Моби Дик! Моби Дик! Моби Дик!

— Капитан Ахав, — проговорил Старбек, который все это время стоял вместе с Фласком и Стаббом и разглядывал своего командира со все возраставшим изумлением, но теперь вдруг нашел как будто бы наконец какое-то объяснение происходящему. — Капитан Ахав, я тоже слышал о Моби Дике. Не тот ли это Моби Дик, что оставил тебя без ноги?

— Кто говорил тебе об этом? — вскричал Ахав, но потом, помолчав, сказал: — Верно, Старбек, верно, молодцы

мои, это Моби Дик сбил мою мачту, Моби Дик поставил меня на этот безжизненный обрубок. Верно, верно! — повторил он с каким-то жутким, нечеловеческим, громким рыданием в голосе, словно пораженный в самое сердце матерый лось. — Верно, это он, проклятый Белый Кит, обстриг мою палубу, превратил меня на веки вечные в жалкого, неуклюжего калеку! — И, воздев руки ввысь, он выкрикнул свои безмерные проклятия: — Да! И я буду преследовать его и за мысом Доброй Надежды, и за мысом Горн, и за норвежским Мальштремом, и за пламенем гибели, и ничто не заставит меня отказаться от погони. Вот цель нашего плавания, люди! Гоняться за Белым Китом по обоим полушариям, покуда не выпустит он фонтан черной крови и не закачается на волнах его белая туша. Что скажете вы, матросы? Готовы ли вы ударить по рукам? С виду вы храбрые люди.

— Готовы, готовы! — подхватили гарпунщики и матросы, подавшись вперед, навстречу неистовому капитану. — Гляди в оба и бей без промаха по Белому Кита!

— Благослови вас Бог, люди! — не то рыдания, не то восторг звучали в его голосе. — Благослови вас Бог. Эй, стюард! Неси сюда рому! Мистер Старбек, почему омрачилось твое лицо? Или ты не согласен преследовать Белого Кита? Не готов помериться силами с Моби Диком?

— Я готов помериться силами с его кривой пастью и пастью самой смерти тоже, капитан Ахав, если это понадобится для нашего промысла, но я пришел на это судно, чтобы бить китов, а не искать отмщения моему капитану. Сколько бочек даст тебе твое отмщение, капитан Ахав, даже если ты его получишь? Немногого будет оно стоить на нашем нантакетском рынке.

— Нантакетский рынок! Что мне за дело до него? Но подойди ко мне, Старбек, здесь надо копнуть поглубже. Пусть деньги — мера успеха, друг, пусть счетоводы сводят свой баланс в этой конторе — нашей планете, опоясав ее всю золотыми гинееми — по три штуки на дюйм, — все равно и тогда, говорю я тебе, и тогда отмщение принесет мне прибыль *здесь!*

— Он колотит себя в грудь, — шепнул Стабб. — Это еще зачем? Звук-то получается сильный, да какой-то полый.

— Мстить бессловесной твари! — воскликнул Старбек. — Твари, которая поразила тебя просто по слепому инстинкту! Это безумие! Капитан Ахав, питать злобу к бессловесному существу — это богохульство.

— Опять послушай то, что лежит глубже. Все видимые предметы — только картонные маски. Но в каждом явлении — в живых поступках, в открытых делах — проглядывают сквозь бессмысленную маску неведомые черты какого-то разумного начала. И если ты должен разить, рази через эту маску! Как иначе может узник выбраться на волю, если не прорвавшись сквозь стены своей темницы? Белый Кит для меня — это стена, воздвигнутая прямо передо мною. Иной раз мне думается, что по ту сторону ничего нет. Но это неважно. С меня довольно его самого, он шлет мне вызов, в нем вижу я жестокую силу, подкрепленную непостижимой злобой. И вот эту непостижимую злобу я больше всего ненавижу; и будь Белый Кит всего лишь орудием или самостоятельной силой, я все равно обрушу на него мою ненависть. Не говори мне о богохульстве, Старбек, я готов разить даже солнце, если оно оскорбит меня. Ибо если оно могло меня оскорбить, значит, и я могу поразить его; ведь в мире

ведется честная игра, и всякое творение подчиняется зову справедливости. Но я неподвластен даже и этой честной игре. Кто надо мной? Правда не имеет пределов. Не гляди ты на меня так, слышишь? Взгляд тупицы еще непереносимее, чем дьяволов взгляд. Ага, вот ты уже краснеешь и бледнеешь; мой жар раскалил в тебе гнев. Послушай, Старбек, сказанное в пылу гнева не оставляет следов. Есть люди, чьи горячие слова не унижают. Я не хотел сердить тебя. Забудь об этом. Взгляни на эти турецкие скулы, расцвеченные пятнистым загаром, — целые одушевленные картины, начертанные солнцем. О эти леопарды-язычники, эти безумные, безбожные существа, которые не ведают и не ищут смысла в своей огненной жизни! Взгляни на команду, друг Старбек! Разве все они не заодно с Ахавом против Белого Кита? Погляди на Стабба! Он смеется! Погляди вон на того чилийца! Он просто давится от смеха. Может ли одинокое деревце выстоять в таком урагане, Старбек? Да и о чем тут идет речь? Подумай сам. Нужно только добыть кита — невелико дело для Старбека. Только и всего. Может ли быть, чтобы первый гарпун Нантакета не принял участия в охоте, когда каждый матрос уже взялся за оселок? А-а! Вижу, смущение овладело тобой; тебя подхватил высокий вал! Говори же, говори! Да, да, ты молчишь, твое молчание говорит за тебя. *(В сторону.)* Что-то выбилось у меня из расширенных ноздрей — и он вдохнул это. Теперь Старбек мой; теперь ему придется подчиниться либо пойти на открытый бунт.

— Спаси меня, Господь, — еле слышно пробормотал Старбек. — Спаси нас всех, Господь.

Но, торжествуя и радуясь немой покорности своего зачарованного помощника, Ахав не слышал ни его

зловещего восклицания, ни тихого смеха из трюма, ни грозного гудения ветра в снастях; он не слышал даже, как заполоскались, захлопали вдруг по мачте обвисшие паруса, словно они на мгновение пали духом. Снова загорелись упорством жизни опущенные глаза Старбека, замер подземный хохот, ветер наполнил тугие паруса, и снова плыл уже вперед корабль, вздымаясь и покачиваясь на волнах. О вы, знаки и предостережения! Почему, появившись, вы спешите исчезнуть? Вы не предостерегаете, о тени, вы просто указываете нам будущее! И не столько указываете будущее, сколько подтверждаете уже происшедшее в душе нашей. Ибо внешний мир только слегка сдерживает нас, а влекут нас вперед лишь самые глубинные нужды нашего существа!

— Рому! Рому! — воскликнул Ахав.

И, взяв из рук стюарда до краев наполненный жбан, он повернулся к гарпунщикам и приказал им обнажить гарпуны. Потом, выстроив их троих с гарпунами в руках прямо против себя, у шпиля, в то время как трое помощников с острогами встали рядом с ним, а остальная команда окружила их плотным кольцом, капитан Ахав несколько мгновений молча разглядывал лица своих подчиненных. И глаза, встречавшие его взор, горели диким огнем, словно красные зрачки койотов, устремленные на вожака, который бросится сейчас впереди всей стаи по бизоньему следу, чтобы попасть — увы! — в запрятанную индейцами западню.

— Выпей и передай соседу! — вскричал Ахав, протягивая желтый сосуд стоящему поблизости матросу. — Пусть пьет вся команда. По кругу передавай, по кругу! Отхлебывай поживей, да не спеши глотать; это жжет, как копыто сатаны. Вот так! Питье идет по кругу — отлично!

Оно бежит внутри вас спиралью и, раздваиваясь, выглядывает по-змеиному из ваших глаз. Прекрасно, вот уже и дно показалось. Туда ушла кружка, а возвратилась отсюда. Передай ее мне — э, да она пуста! Матросы, вы — точно годы; без следа поглотили полную чашу жизни. Стюард, наполни жбан!

Смирно теперь, храбрецы мои! Я собрал вас здесь у шпиля; вы, помощники, стойте подле меня со своими пиками; а гарпунщики пусть стоят там со своими гарпунами; а вы, brave моряки, плотней обступите меня, чтобы я мог воскресить благородный обычай рыбаков, моих предков. Люди! Я покажу вам... ого! Жбан опять возвратился? И фальшивая монета не возвратится быстрее. Давайте его сюда. Я бы снова, наполнив, пустил его по кругу, да я не приспешник святого Витта. Прочь, лихорадка трясучая! Сюда, помощники мои! Скрестите передо мной ваши остроги. Вот так! Дайте мне коснуться оси, — говоря это, он протянул руку, ухватил три ровных сверкающих остроги в центре их пересечения и внезапно сильно дернул их к себе, переводя напряженный взгляд со Старбека на Стабба, со Стабба на Фласка. Кажалось, своей чудовищной внутренней волей он пытался передать им ту огненную страстность, которая скопилась в лейденской банке его собственной магнетической жизни. Трое помощников не выдержали его пристального, долгого, непостижимого взгляда. Стабб и Фласк отвели глаза в сторону; честный Старбек потупился.

— Все тщетно! — воскликнул Ахав. — Но, может быть, это к лучшему. Быть может, стоило вам хоть однажды принять полный разряд, и тогда мой магнетизм улетучился бы из груди моей. Может статься, к тому же он поразил бы вас насмерть. Может статься, вам нет в нем

нужды. Опустите остроги! А теперь, мои помощники, я назначаю вас виночерпиями трем моим родичам-язычникам, вот этим трем благороднейшим, знатнейшим господам — моим доблестным гарпунерам. Вы гнушаетесь таким назначением? А как же великий папа оmyвает ноги нищим, пользуясь собственной тиарой вместо кувшина? О мои любезные кардиналы! Вы сами милостиво снизойдете до этого. Я не приказываю вам — вы по собственной воле сделайте это. Эй, гарпунеры! Перерубите бечевку и отделите древки от наконечников.

Безмолвно повинуюсь приказу, гарпунеры, отделив древки, подняли перед собою остриями кверху трехфутовые металлические лезвия своих гарпунов.

— Эй, вы так заколете меня! Переверните их, переверните остриями вниз! Так, чтобы получились кубки! Кверху раструбами. Вот так. Теперь вы, виночерпии, приблизьтесь. Возьмите у них из рук эти кубки; держите, пока я наполню их! — И, медленно переходя от одного к другому, он до краев наполнил раструбы перевернутых гарпунов огненной влагой из большой кружки. — А теперь встаньте, вы шестеро, друг против друга. Передавайте смертельные чаши! Примите их — отныне вы связаны нерасторжимым союзом. Ну что, Старбек? Дело сделано! Солнце готово скрепить этот союз своим закатом. Пейте, гарпунеры! Пейте, вы, чье место на смертном носу вельбота! Пейте и клянитесь: «Смерть Моби Дику! Пусть настигнет нас кара Божия, если мы не настигнем и не убьем Моби Дика!»

Гарпунщики подняли длинные, колючие, стальные кубки; и под крики и проклятия Белому Китау, крикнув, разом их осушили. Старбек побледнел и, вздрогнув, отвернулся. И снова, в последний раз, в обезумевшей

толпе пошел по кругу полный жбан; потом Ахав взмахнул свободной рукой, все разошлись, и капитан спустился в каюту.

ГЛАВА XXXVII

Закат

(В каюте у кормового иллюминатора сидит Ахав и смотрит за борт)

— Белый, мутный след тянется у меня за кормой, бледные волны, побледневшие щеки — всюду, где б я ни плыл. Завистливые валы вздымаются с обеих сторон, спеша перекрыть мой след; пусть, но не прежде, чем я пройду.

Там, вдали, у краев вечно полного кубка вином алеют теплые волны. Золотое чело погружается в синеву. Солнце-ныряльщик медленно ныряет с высоты полудня и уходит вниз; но все выше устремляется моя душа, изнемогая на бесконечном подъеме. Что же, значит, непосильна тяжесть короны, которую я ношу, этой железной Ломбардской короны*? А ведь она сверкает множеством драгоценных камней; мне, носящему ее, не видно ее сияния; я лишь смутно ощущаю у себя на голове ее слепящую силу. Она железная, не золотая — это я знаю. Она расколота — это я чувствую: зазубренные края впиваются, мозг,

* Железной Ломбардской короной короновали императоров Священной Римской империи, носивших также титул Ломбардских королей; согласно легенде, она выкована из гвоздя от креста Господня.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

